

Перечисленные выше информационные технологии так или иначе связаны с компьютером, владеет которым не каждый наш читатель, поэтому в библиотеке организовано обучение базам компьютерной грамотности. Обучение проходит в компьютерном зале библиотеки два раза в неделю по записи. Благодаря курсам за последние два года 40 инвалидов по зрению свободно пользуются компьютером. Заочное обучение ведется и на страницах собственного журнала «Заман».

Башкирская республиканская специальная библиотека для слепых, которая по уровню внедрения информационных технологий входит в пятерку передовых библиотек из 69 российских библиотек для слепых, стремится обеспечить доступ не только к уже имеющимся информационным ресурсам, но и создает новые, расширяя круг чтения незрячих пользователей и их возможности в получении информации.

Список источников

1. Аминева А.Р. Пути обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к информации в Башкирской республиканской специальной библиотеке для слепых // Документоведение. Библиотековедение. Інформаційна діяльність: проблеми науки, освіти, практики: Зб. матеріалів VII Міжнар.наук.-практ. конф., Київ, 25—27 травня 2010 р.: сб. тезисов / наук. ред.: М.С. Слободник, Г.В. Власова. — Киев, 2010. — С. 27—28.
2. Пантелеева В.Н. Проблемы и решения практического применения информационных технологий в специальной библиотеке // Совершенствование организации работы с незрячими пользователями в автоматизированном режиме: материалы Всероссийского семинара директоров спец. библиотек субъектов РФ. — Уфа, 2010. — С. 60—69.
3. Рекомендации Всероссийского семинара по совершенствованию организации работы с незрячими пользователями в автоматизированном режиме: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://brsbs.ru>

Иллюстративный материал предоставлен автором статьи.

**Надежда Константиновна
Радина,**
*профессор Нижегородского
государственного
педагогического
университета,
доктор политических
наук, доцент*

**Александра Александровна
Никитина,**
*аспирант Нижегородского
государственного
педагогического университета*

Образцы мягкой патриархатной мужественности: современные старшеклассники и герои русских народных сказок

В статье дается психологическое обоснование предположению о существовании в российском обществе мягкой патриархатной мужественности, созвучной немужественным героям русских народных сказок. Один из ключевых образов русских народных сказок — Иван-царевич (Иванушка-дурачок), по данным представляемого исследования, реконструируется в современной российской мужской культуре как инвариант особой — российской недоминантной «женственной» мужественности, и воспроизводится в идентичностях современных подростков.

Ключевые слова: русская народная сказка, Иван-царевич, Иванушка-дурачок, мужественность, патриархат, мужское доминирование, мужская идентичность.

Воздействие словом, чтение сказок для воспитательного воздействия на протяжении многих веков используется в человеческой культуре [5]. Современные исследования относят книги к агентам социализации, поскольку при помощи чтения человек «входит в культуру», понимает, какие события могут с ним произойти и как придется решать те или иные задачи [2, 9 и др.]. Иные ученые видят настолько жесткую связь между культурой, ее усвоением и психическим здоровьем человека, что буквально ограничивают в лечебных целях круг возможного чтения, особенно когда речь заходит о детях: «Анализ преобладающего содержания информационной, особенно компьютерной и ТВ-среды, в которую погружены современные дети, позволяет предположить, что данная среда может «отрывать» их от реальной жизни, выхолащивать эмоциональное содержание

отношений и стать причиной развития аутизма» [12, с. 69].

В центре внимания некоторых исследователей находится психологическое значение текста, они пытаются определить связь фольклорных текстов, народных сказок и т. п. с «народной психологией». Так, в статье профессора Н.Л. Пушкаревой, известного специалиста в области российской истории, анализируется нестандартная, «немужественная мужественность» русских народных сказок [8]. «Немужественные» герои (Емеля, Иванушка-дурачок, Иван-царевич и др.), добиваются успеха и становятся победителями не в силу «мужских достоинств», а напротив, благодаря мягкости, добросердечию, заботе, терпению, состраданию и т. п., то есть качествам, традиционно расцениваемым как «женские».

«Рисуя женщин более умными и практичными, русская сказка — сплошь и рядом противоречит основному (мировому) сказочному

Иван-царевич
на Сером Волке.

Художник
В.М. Васнецов,
1889 г.

канону — выстраивает необычную для патриархального общества систему гендерных отношений: персонажи мужского пола не бегут, не скрываются от сильных женщин, не побеждают их — а признают их превосходство. Вероятно, ответ на вопрос об «умных девах» русских сказок надо искать во всей десятивековой истории русских женщин, которая заметно отлична от европейской. В силу распространенности образов «сильных женщин» в произведениях русского фольклора вполне разумно видеть и их корреляты — образы слабых или *кажущихся слабыми* мужчин» [8].

Н.Л. Пушкарева, принимая «архетипическое» значение сказок для определения «национального характера», настаивает на необходимости признания российской непатриархатной мужественности как условия «гендерного баланса» в отношениях между полами. Тем не менее, на вопрос, насколько распространены в настоящее время «немужественные» российские мужчины, насколько герои сказок созвучны нашим современникам, до последнего времени не удавалось ответить определенно из-за ограничений используемого исследовательского инструмента.

Создавая опросник «Изучение развития мужской идентичности (ИРМИ «Я и другие мужчины») [10], мы, безусловно, не ставили перед собой цели выяснить, насколько реальны в настоящее время сказочные

Варианты развития мужской идентичности у старшеклассников (%)

Патриархатные варианты			Гибридные варианты		Альтернативные варианты	
Гегемонный	Компенсаторный	Мягко-патриархатный	Гибридный вариант А (рискованный)	Гибридный вариант Б (нерискованный)	Метросексуальный	Эгалитарный
12,5	6,5	23,5	11,5	7,5	16	22,5
42,5			19		38,5	

«Иванушки-дурачки», однако результаты его использования позволили нам согласиться с позицией профессора Н.Л. Пушкаревой. Представляя в данной статье анализ российской «немужественной мужественности», обратимся к результатам исследования, выполненного на подростковой выборке (81 старшеклассник). Благодаря опроснику ИРМИ, мы смогли выделить тех, кто практикует патриархатные варианты мужской идентичности, гибридные (смешанные) и альтернативные (непатриархатные) (см. табл. 1)*.

«Гегемонная мужская идентичность» является своего рода мировым идеалом (лидер, физически и сексуально активный, способный доминировать над женщинами и другими мужчинами, эмоционально выдержанный, принимающий решения, рискованный, его классический пример — образ мачо). «Компенсаторный» вариант развития мужской идентичности основан на сексизме и доминировании над женщинами. «Мягкая» патриархатная мужская идентичность характеризует тех юношей, чья установка на соблюдение традиционных патриархатных «норм мужественности» едва выражена. Гибридные варианты развития мужской идентичности — промежуточный вариант между патриархатным и альтернативным развитием. В основе альтернативных вариантов развития мужской идентичности лежит отход от признания гендерной дискриминации, при этом

- метросексуальный вариант предполагает более сосредоточенного на себе и своей внешности молодого человека,
- ключевой объединяющий признак эгалитарного варианта развития мужской идентичности — признание женской гендерной группы как равноценной.

Согласно табл. 1, гегемонный вариант развития мужской идентичности, мировой эталон «идеальной мужественности», в настоящее время не является самым популярным и почитаемым (характерен только для каждого десятого из опрошенных). Почти половина всех старшеклассников олицетворяют собой «мягкий» патриархатный (23,5%) либо эгалитарный (22,5%) варианты.

* В современных социологических и психологических исследованиях как основные описывают «патриархатные» и «альтернативные» мужественности (см. труды И.С. Кона, Е.Ю. Мещеркиной, Н.А. Нечаевой и др.). Благодаря эмпирическим исследованиям, мы также идентифицировали гибридную форму, соединяющую противоречивые требования к проявлениям мужественности [10].

Следует отметить, что первый является самым демократичным из патриархатных типов, а второй — проявлением самого высокого уровня неподверженности стереотипным гендерным ролям и моделям поведения.

Кроме того, у 16% старшеклассников был идентифицирован метросексуальный вариант развития мужской идентичности, который также относится к альтернативным, непатриархатным вариантам. Такие юноши отличаются эстетизмом, концентрацией на себе и на своем внешнем виде, повышенным вниманием к модным маркам одежды и аксессуарам, возможной нарциссической направленностью личности.

Необходимо отметить, что на данном этапе исследования мы не пытались искать «корреляты» русских народных сказок в «мужской психологии». Идентификация «Иванушки-дурачка» произошла позднее, когда мы проанализировали социально-психологические аспекты адаптированности старшеклассников (в табл. 2 представлены показатели, полученные по методике К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированной А.К. Осницким).

Патриархатные варианты развития мужской идентичности получили амбивалентные показатели социально-психологической адаптированности. Наиболее благополучное положение среди трех патриархатных форм развития мужской идентичности наблюдается у юношей с гегемонной мужской идентичностью (достаточно высокие показатели по адаптированности и позитивные показатели в «Сфере Я»), однако в данной группе отмечаются низкие показатели по шкале эмоционального комфорта и тенденция к уходу от проблем.

Поскольку гегемонный вариант развития мужской идентичности является одновременно социально-желательным и деструктивным по своему психологическому содержанию, данные по социально-психологической адаптированности и

Таблица 2

**Социально-психологическая адаптированность
старшеклассников с разными вариантами мужской идентичности**

Варианты развития мужской идентичности		Показатели социально-психологической адаптированности												
		Адаптированность	Деадаптированность	Принятие себя	Непринятие себя	Принятие других	Непринятие других	Эмоциональный комфорт	Эмоциональный дискомфорт	Внутренний контроль	Внешний контроль	Доминирование	Ведомость	Эскапизм
Патриархатный	Гегемонный	137	69	51	9	27	15	21	13	48	20	15	12	17
	Компенсаторный	131	78	47	15	24	13	20	15	47	21	13	15	18
	«Мягкий» патриархатный	129	68	44	12	25	16	22	13	55	19	11	16	13
Гибридный	Гибридный А	135	68	48	14	23	18	22	16	53	21	13	13	17
	Гибридный Б	132	61	47	12	23	13	23	11	51	14	13	10	15
Альтернативный	Метросексу-альный	144	59	54	8,6	28	12	27	9	57	18	13	15	15
	Эгалитарный	156	58	50	10	25	12	27	9	57	17	11	14	16
		Различия между группами достоверны на уровне*:												
Сравниваемые группы	1 и 3			0,05								0,05		0,05
	1 и 4					0,05	0,05							
	1 и 7	0,05						0,05						
	2 и 3											0,05		0,05
	2 и 6				0,05	0,05		0,05		0,05				0,05
	2 и 7	0,05	0,01					0,05		0,05				
	3 и 7	0,01												
	5 и 7	0,05											0,05	
	* Различия были выявлены при помощи критерия U-Манна-Уитни, который предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно.													

деадаптированности отражают противоречивость социальных ожиданий от представителей этого типа.

Если гегемонная патриархатная идентичность требует тотального доминирования (как над мужской, так и над женской гендерными группами), то компенсаторная как бы игнорирует конкуренцию внутри мужской группы и обеспечивает «психологическое доминирование», опираясь на социальные стереотипы «вторичности женщин». По данным нашего исследования, компенса-

торный вариант развития мужской идентичности является самым неблагоприятным практически по всем показателям социально-психологической адаптированности (наблюдаются низкие показатели в сферах адаптированности, эмоционального комфорта, внутреннего контроля и ухода от проблем).

Мягко-патриархатный вариант развития мужской идентичности на первый взгляд можно охарактеризовать как менее адаптированный, однако «неприспособленность» данного подтипа уравнивается конструктивными личностными характеристиками (более высокие показатели эмоционального комфорта, самая низкая склонность к доминированию, самые высокие значения по внутреннему контролю среди патриархатных вариантов и самый низкий балл по уходу от проблем).

Гибридные варианты развития мужской идентичности получили средние по сравнению с другими группами значения адаптированности. Но у представителей А-гибридного варианта выявлено наибольшее неблагоприятное в сфере «Отношения с другими» (низкие показатели принятия других в сочетании с высокими баллами по непринятию других). Кроме того, данный вариант характеризуется низкими по выборке показателями в сфере эмоционального комфорта.

Юноши с метросексуальным вариантом развития мужской идентичности демонстрируют высокие показатели адаптированности и эмоционального комфорта, они наиболее позитивно принимают как себя, так и окружающих людей, отличаются хорошо развитым внешним и внутренним контролем. Представители эгалитарного варианта обладают наиболее высокими показателями адаптированности среди всех групп старшеклассников, кроме того, они отличаются и другими позитивными социально-психологическими характеристиками: достаточно высокие значения принятия себя и других, позитивные показатели эмоционального комфорта и внутреннего контроля.

Итак, где же в данном описании скрыты «Иванушки»? Разумеется, это не гегемонный вариант развития мужской идентичности и не варианты гибридного типа. Однако это и не альтернативные варианты мужественности, весьма благополучные в социально-психологическом смысле.

Мы полагаем, что наши «Иванушки-дурачки» — это юноши, идентифицированные нами при помощи опросника ИРМИ как носители мягкой патриархатной мужской идентичности (почти каждый четвертый старшеклассник из нашей выборки). Если проанализировать табл.2, мы увидим не очень приспособленных юношей недоминантного склада, ведомых и не очень удовлетворенных собой, готовых к компромиссу и сотруدنничеству.

Действительно, герои русских народных сказок в целом разделяют патриархатный уклад:

«Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой — потешается. А службы не забывает» [6, с. 140].

«В ту пору началась война с неприятелем, и у безрукой жены взяли мужа на военную службу. Вот уходит он на войну и просит отца: “Батюшка, не оставь жену мою! Она родить должна» [1, с. 241].

Однако, как и в случае современных Иванушек, Иван из русской народной сказки недоминантен и принимает инициативу женщин:

«Боролись с утра до вечера — красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девушка Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь. Иван-царевич и говорит ей: “Не губи ты меня, девушка Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные”» [11, с. 162].

«Пришел Иван к Елене Премудрой. А Елена сидит в своей царской горнице, и платье на ней одето отцовское, в которое она самовольно в амбаре облокалась. “Что тебе надобно? — спросила Елена Премудрая. — Зачем явился?” “Аль ты не жена мне больше?” “А исполни, что я велю! Укройся от меня где хочешь, хоть на краю света, чтоб я тебя не нашла”. “Дозволь, — попросил Иван, — до утра на соломе поспать и хлеба твоего покушать, а утром я исполню твое желание”» [3, с. 266].

Кроме того герой, как отмечала и профессор Н.Л. Пущкарева, ориентирован на помощь, заботу, жалость к другому, и даже на любовь-жалость, что традиционно расценивается как «женские способности»:

«Упал Иван-царевич на самое взморье, опаматовался и видит под старым дубом у моря птенцы пищат — бьет их непогода. Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл» [11, с. 163].

«Подошел он сам к этой девушке, смотрит — а она безрукая. И еще более полюбил ее молодец» [1, с. 240].

В русских народных сказках герой может быть откровенно слабым, что, однако, не мешает ему сопротивляться, не сдаваться, добиваться своего:

«Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: “Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!” Отнял ее и унес к себе. Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною» [4, с. 170].

Несамостоятельность героя, зависимость от партнерши в русской народной сказке не осуждается, а верность и доброта оцениваются выше мудрости и умений:

«Обнял его старик и простил. “Спасибо тебе, — говорит, — сынок. В платье заветном прелесть — была, в книге — мудрость, а в зер-

кальце — вся видимость мира Все я ей собрал, а того не положил, что в тебе было, — главного таланту» [3, с. 270].

«Мягкая патриархатность» российских мужчин становится основой «гендерного баланса», неконфликтного взаимодействия с сильными и находчивыми российскими женщинами:

«*«Обожди меня, матушка, — сказал Иван, — Может, я хлеба тебе принесу». — «Да уж где тебе, — ответила мать, — где тебе, бесталанному, — хлеба взять! Невесту бы где сыскал себе, — глядь, при жене-то, коли разумница окажется, всегда с хлебом будешь»*» [3, с. 262].

«*Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных. Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея, научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу*» [6, с. 144].

Таким образом, «немужественные герои» русских народных сказок представляют инвариант российской негегемонной (мягко-патриархатной) мужественности, что можно обоснованно утверждать, опираясь на результаты данного психологического исследования.

Перипетии взаимодействий сказочных героев, во многом отражающие социальную организацию общества на время своего рождения [7], созвучные и нашим современникам, наталкивают на предположение о непринципиальных трансформациях основных социальных структур и сценариев в российской многовековой истории. Кроме того, проведенное исследование дает основания рекомендовать традиционное чтение русских народных сказок современным мальчикам. Русская народная сказка объясняет слушателям, что женщины — не объекты наслаждения, как это представляет современная массовая культура, не только матери, сестры и возлюбленные, они также могут быть соратниками и лидерами. Именно это знание позволит в будущем выстоять юношам, представляющим недоминантную российскую мужественность.

Список источников

1. Безручка // Сказки рус. народа. — М.: Евроросс, 1992. — С. 237—247.
2. Дикман Х. Сказание и иносказание. Юнгианский анализ волшебных сказок / Х. Дикман. — СПб.: Гуманитар. агентство «Академ. проект», 2000. — 304 с.
3. Иван Бесталаный и Елена Премудрая // Сказки рус. народа. — М.: Евроросс, 1992. — С. 261—270.
4. Марья Моревна // Сказки рус. народа. — М.: Евроросс, 1992. — С. 166—174.
5. Пезешкиан Н. Торговец и попугай. Восточные истории и психотерапия: пер. с нем. / Н. Пезешкиан; общ. ред. А.Б. Брушлинского и А.З. Шапиро, предисл. А.В. Брушлинского, коммент. А.З. Шапиро. — М.: Прогресс, 1992. — 240 с.
6. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что // Сказки рус. народа. — М.: Евроросс, 1992. — С. 139—153.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 368 с.
8. Пушкарева Н.Л. «Странные мужчины» в русской национальной традиции [Электронный ресурс] / Н.Л. Пушкарева. — Режим доступа: <http://www.astrasong.ru/index.php/science/article/348/>
9. Радина Н.К. Истории и сказки в психологической практике / Н.К. Радина. — СПб: Речь, 2006. — 208 с.
10. Радина Н.К. Социальная психология мужественности / Н.К. Радина, А.А. Никитина. — М.: БОРГЕС, 2011. — В печати.
11. Сказка о молодильных яблоках и живой воде // Сказки рус. народа. — М.: Евроросс, 1992. — С. 154—165.
12. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике / А.В. Сухарева [и др.] // Психол. журн. — 2003. — Т. 24, №5. — С. 68—80.

Иллюстративный материал предоставлен авторами статьи.